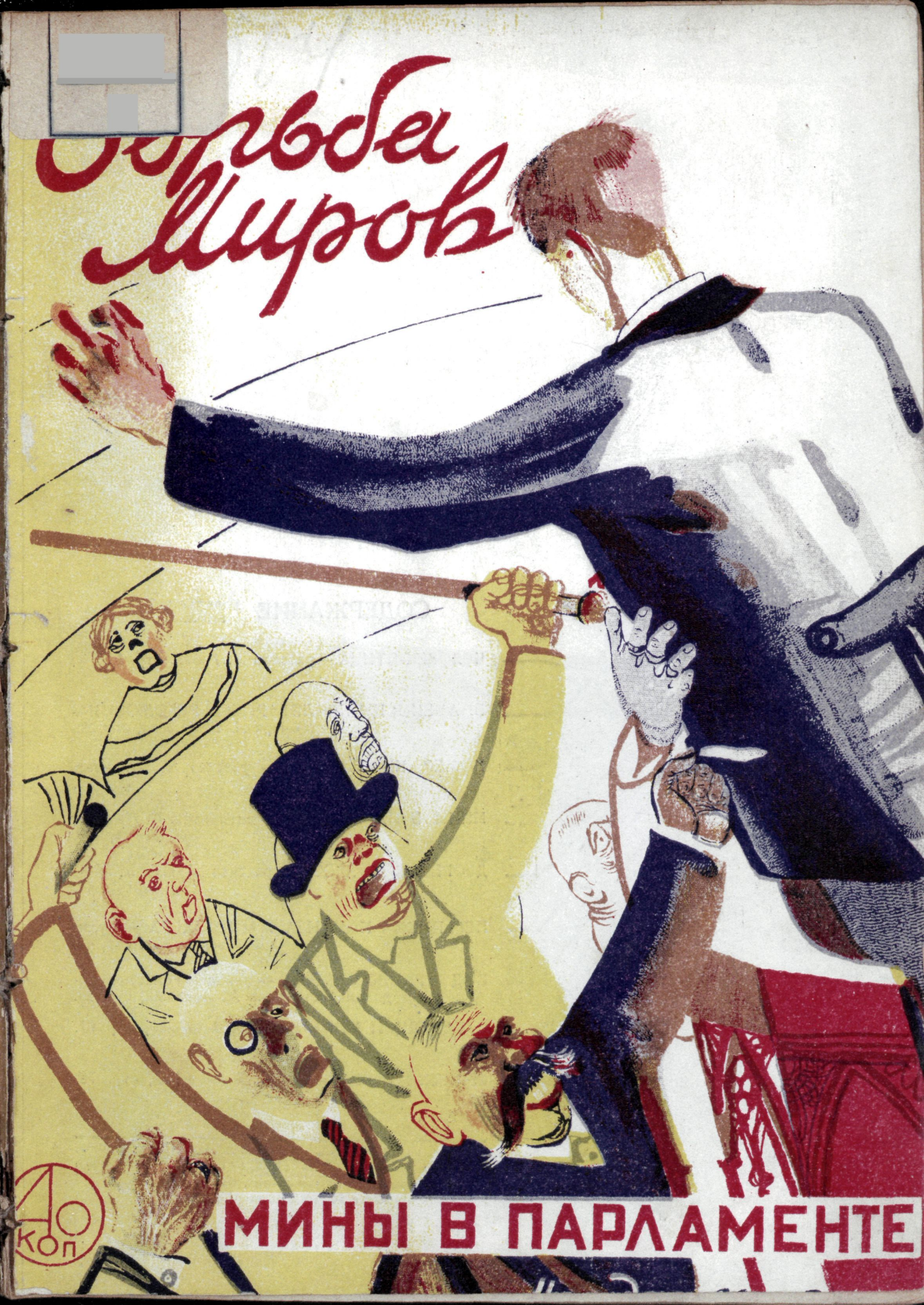

Свобда
Широка

МИНЫ В ПАРЛАМЕНТЕ

1

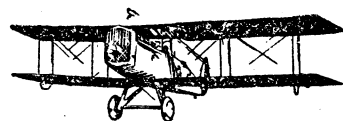
ТУСКЛЫЙ, серый свет умирающего зимнего дня с трудом проникал в глубокие ниши окон старого казенного дома, где помещался секретный отдел генерального штаба. Из углов длинного коридора выползали темные пятна сумерек и постепенно заполняли весь коридор. В этой серой мгле по-особенному звучали шаркающие шаги часового. Изредка щелкал американский замок в одной из обитых толстым войлоком дверей, выходящих в коридор, и мимо замирающего на месте часового с мягким звоном шпор, поблескивая в сумраке серебряным шитьем воротника, проплывал офицер.

Стало совсем темно. Часовой в коридоре перестал различать звездочки на погонах проходящих офицеров и, подойдя к выключателю, повернул кнопку. Две тусклые лампочки покраснели подслеповатыми глазками по концам коридора, искоса освещая эмалированные дощечки

с номерами отделений, ярко белеющие на войлоке дверей. На самой дальней двери, последней от входа, дощечка была крупнее других, и на ней значилось крупными буквами: «Начальник отдела». Приближаясь к этой двери, шаркающие шаги часового делались совершенно неслышными, и даже, когда в двух шагах от нее, в конце коридора он делал поворот налево кругом, приклад и ножа штыка, ударяясь друг о друга, не издавали обычного позвякивания, придержанные дисциплинированной рукой солдата.

Если из всех остальных дверей, когда их открывали, в тишину коридора вместе со столбом синего дыма вырывались плески приглушенных голосов, щелканье пишущих машинок, удушливый запах горелого сургуча и стук прикладываемых печатей, — то за этой, последней дверью всегда царила мертвая тишина, даже когда она открывалась. Из нее не выплескивались тучи синего дыма или шум многих голосов. Разве только тонкая струйка

НОМЕР НЕ ПРОЙДЕТ

Рассказ Н. ШПАНОВА

Рис. П. АЛЯКРИНСКОГО

В апреле исполнилось 10 лет со дня наглого налета на Советскую Украину одной из соседних с нами буржуазных республик, играющих роль цепного пса мирового империализма. Рассказ Н. Шпанова напоминает нам о том, что военная опасность снова на носу, и иллюстрирует подготовку нового «крестового похода». В арсенале замышляющих этот поход видное место занимает провокация. При помощи подстроженных налетов пытаются «белые генералы вызвать нас на войну и подогреть остывшие патристические чувства трудящихся своей страны. Но... номер не пройдет, как не прошел и 10 лет тому назад!

едва уловимого запаха сигары и кряхтящий старческий кашель говорили о том, что за дверью сидит кто-то живой. Шаги входящих в эту дверь сразу смолкали, как только за спиной входящего опускалась тяжелая бархатная портьера. Их звук проглатывал пушистый ковер, покрывавший пол небольшой комнатки, где за высоким американским бюро, заваленным грудой дел в зеленых картонных обложках, сидел адъютант, торопливо звякавший шпорами и серебряными карандашами аксельбантов, каждый раз, когда перед его глазами вспыхивала электрическая лампочка, заменявшая звонок его превосходительству.

Теперь адъютанту не сиделось. Часы давно уже пробили четыре мягких удара — обычное время, когда его превосходительство покидал отдел, а маленькая низкая дверка в его кабинете оставалась плотно закрытой, и до сих пор у него сидел посетитель — долговязый авиационный полковник. Откровенно позевывая, адъютант мерил своими коротенькими ножками, с икрами и ляжками, рельефно обрисованными узкими уланками, бордюр пушистого ковра, уже тысячу раз измеренный, со знакомыми до тошноты синекрасными завитками замысловатого восточного рисунка.

С тех пор как в «большой политике» (как презрительно называл адъютант отделение внешней службы своего отдела)

началась усиленная деятельность в связи с хлопотами, доставляемыми государству неугомонными соседями, служба в отделе сделалась совершенно невозможной. Генерал безбожно долго засиживался в своем кабинете, и гора зеленых папок на адъютантском бюро росла, как снежный ком. Не раз приходила в адъютантскую голову мысль плюнуть на все и вернуться к своему уланскому эскадрону. Только боязнь неприятностей, которые ждут его в случае похода, могущего рано или поздно свалиться на плечи уланов, удерживала его в этом несносном соседстве с ворчуном генералом.

Размышления адъютанта были прерваны вспышкой лампочки, требовавшей его в кабинет. Сразу расправившись, точно в его маленькое, рыхлое тело вставили упругую пружину, адъютант нырнул в низкую дверь кабинета.

В огромной комнате, так же, как адъютантская, затянутой сплошным ковром и уставленной по стенам целой серией нестерраемых шкафов, царил полумрак; массивная низкая лампа с широким зеленым абажуром бросала мягкое пятно света только на большой письменный стол, за которым почти терялась маленькая, сухая фигурка генерала.

Не поднимая головы при входе адъютанта, генерал проскрипел:

— Прошу поручика дать нам карту третьего округа с расположением наших

аэродромов и прилегающую к ней карту территории соседнего государства.

— Слушаю, ваше превосходительство, — и через минуту, извлеченное из одного из бесчисленных шкафов у стены, перед глазами генерала и его собеседника развернулось огромное зеленое поле карты. Почтительно постояв минуту перед столом, адъютант едва приметно звякнул шпорами и неслышно вышел из кабинета.

Сухонький палец генерала быстро бегал по простору карты, и, когда он наткнулся на цветной значок в виде кружка, треугольника или ромба, только слышалось отрывистое: «Вот, вот, вот». Лицо сидевшего рядом с генералом высокого худого полковника тонуло во мраке за границами светового пятна, бросаемого абажуром, позволявшего видеть только яркие желтые петлицы его воротника. Полковник так же односложно бросал: «Есть, есть, есть».

Палец замер на карте, и, откинувшись в кресло, генерал уставился в темноту в том направлении, где над желтыми петлицами угадывалось лицо высокого полковника.

— Итак?

— Все понятно, ваше превосходительство. Осмелюсь только доложить, что самолет, на котором в свое время к нам перелетели их летчики, не является машиной, типичной для их авиации, и, на мой взгляд, было бы весьма полезно просить английского атташе испросить у своего правительства одну машину, сходную по типу с теми, которыми вооружены авиационные части нашего соседа. Это было бы более доказательно.

— Вам прекрасно известно, что у нас на это нет времени, и, кроме того, для нас не составит никакого труда доказать, что данная машина также является принадлежностью их вооружения.

— В таком случае, все в порядке, ваше превосходительство. Позвольте доложить только еще одно обстоятельство. Мне было бы очень жаль, если бы в это дело пришлось послать кого-либо из хороших летчиков, их у нас не так много.

— Я вас об этом и не прошу. Можете послать кого угодно, даже если это не

будет офицер, во всяком случае, не кто-нибудь из хорошей семьи, а то потом не оберешься хлопот с его тетушками. Подыщите лучше кого-нибудь из унтер-офицеров, из-за кого не стали бы поднимать слишком большого шума там, в нашей говорильне.

— О, я не сомневаюсь в том, что ни одному из депутатов и в голову не придет догадываться об истинном смысле этого небольшого происшествия.

— Ну, как знать, эта публика теперь лезет всюду, куда ее не просят, и любит совать нос в наши секретные дела больше, чем в те дела, которые создаются специально для того, чтобы ими интересовались господа народные представители. Во всяком случае, полковник, — осторожность, вот что я вам рекомендую при проведении всей этой операции. Кстати, можно ли быть уверенным в том, что истребитель, которому придется действовать, при всяких условиях справится со своей задачей?

— О, вашему превосходительству известно, что это за отличные машины. И как раз отряд, стоящий в районе, намеченном вами для проведения всей задачи, только что перевооружился и снабжен «Спадами» из числа последней партии, полученной нами из Франции. Я вполне ручаюсь вашему превосходительству за машину, ну, а в летчиках мне сомневаться также не приходится.

— Ну, ну, отлично. Похвальная уверенность, полковник. Я всегда держусь того мнения, что в нашем офицере можно быть уверенным гораздо больше, чем в собственной жене... хе-хе...

— Ну, в этом вопросе вашему превосходительству и книги в руки. К сожалению, не могу присоединиться к вашему мнению в отношении солдат, и особенно солдат наших специальных частей.

— Что поделаешь, пан полковник, народ мельчает и глупеет. Нет уже в поляках того беззаветного понимания слова «родина», которое мы с вами всосали с молоком матери. Каждый вкладывает теперь в это святое для нас слово свой собственный смысл, и эпитет «свободная» слишком часто начинает к нему пристегиваться, когда надо и когда не надо. Ну,

да поживем — увидим. Вы можете идти, пан полковник, и да будет с вами божье благословение.

— Надеюсь, ваше превосходительство.

Громыхнув саблей, полковник встал. Яркие желтые петлицы утонули где-то высоко в сумраке, за пределами пятна, бросаемого абажуром.

2

— Тысяча дьяволов, ради чего понадобилось вытаскивать из архива эту машину? Ну, перелетели и перелетели. Пусть ставят в музей этот «трофей» и любуются на него. Ведь, теперь его надо заново регулировать — от головы до хвоста и от хвоста до головы.

Слова эти принадлежали авиационному механику, которого в этот момент не было видно. Из кабинки высокого корпуса самолета торчали только ноги, а владелец их ковырялся внутри фюзеляжа, второй день подтягивая тендеры ослабевших растяжек. Все сказанное относилось к машине, над которой он возился, — большому двухместному самолету-разведчику, без всякого употребления стоявшему в ангаре с тех пор, как год тому назад на нем перелетели, опустились на эту территорию летчик и моторист, бежавшие от уголовного преследования из соседней страны. Теперь этот самолет, по приказанию, полученному из штаба, осматривался, ремонтировался и подготавливался к полетам. Никто в отряде не знал, для какого рода работы предназначается машина, даже назначенный на нее молодой летчик, старший унтер-офицер Вацлав Домбровский.

Единственное, о чем знал Домбровский по отрывочным разговорам с командиром отряда, это то, что ему дается на тренировку одна-две недели и после того придется проделать несколько длительных полетов.

Служба отучила бывшего студента политехникума Домбровского от излишнего любопытства еще в учебной команде, куда он попал зеленым вольноопределяющимся. Начальник команды, старый капитан, вбил в него трудную для студента истину, что «любопытный солдат хуже

шпиона». Хотя это и не вязалось со студенческим представлением о той части устава, где говорилось о сметке, инициативе и прочих необходимых качествах бойца, но внушительные усы и сизый нос начальника, неизменно подкрепляемые отеческим назиданием фельдфебеля, были достаточно убедительны, и на время отбывания действительной службы Домбровский добросовестно забыл обо всем, что не преподано в классной комнате учебной команды. И даже последующая относительно свободная жизнь в авиационной школе не вернула впечатлительному Домбровскому представления об истинных границах любопытства, приличествующих унтер-офицеру и летчику. Не способствовала этому и отчужденность, которую неизбежно чувствовал молодой унтер-офицер в обществе летчиков-офицеров. Некоторая пренебрежительность в их отношении к Домбровскому, унтер-офицеру, студенту и сыну простого железнодорожного машиниста, заставляла его всегда держаться особняком. Из самолюбия и нежелания быть одернутым Домбровский никогда не задавал офицерам вопросов сверх тех, какие были строго необходимы для выполнения непосредственно на него возлагаемой работы.

Так было и теперь. Когда командир отряда вызвал его к себе и сообщил о том, что он назначается на старую машину, не входящую в состав отряда, но не пожелал сам дать какие-либо объяснения этому назначению, Домбровский не стал его ни о чем спрашивать. Осведомился только о сроке, к которому машина должна была быть подготовлена.

Судя по тому, что в его распоряжение были предоставлены лучшие механики отряда и все наличные ремонтные средства, его будущей работе на этом самолете придавалось немаловажное значение. Это было не только непривычно, но и просто удивительно для Домбровского, так как до того все мало-мальски интересные и выигрышные задания выпадали на долю его товарищей-летчиков из числа офицеров, а ему доставалась всегда наименее интересная и показательная часть работы.

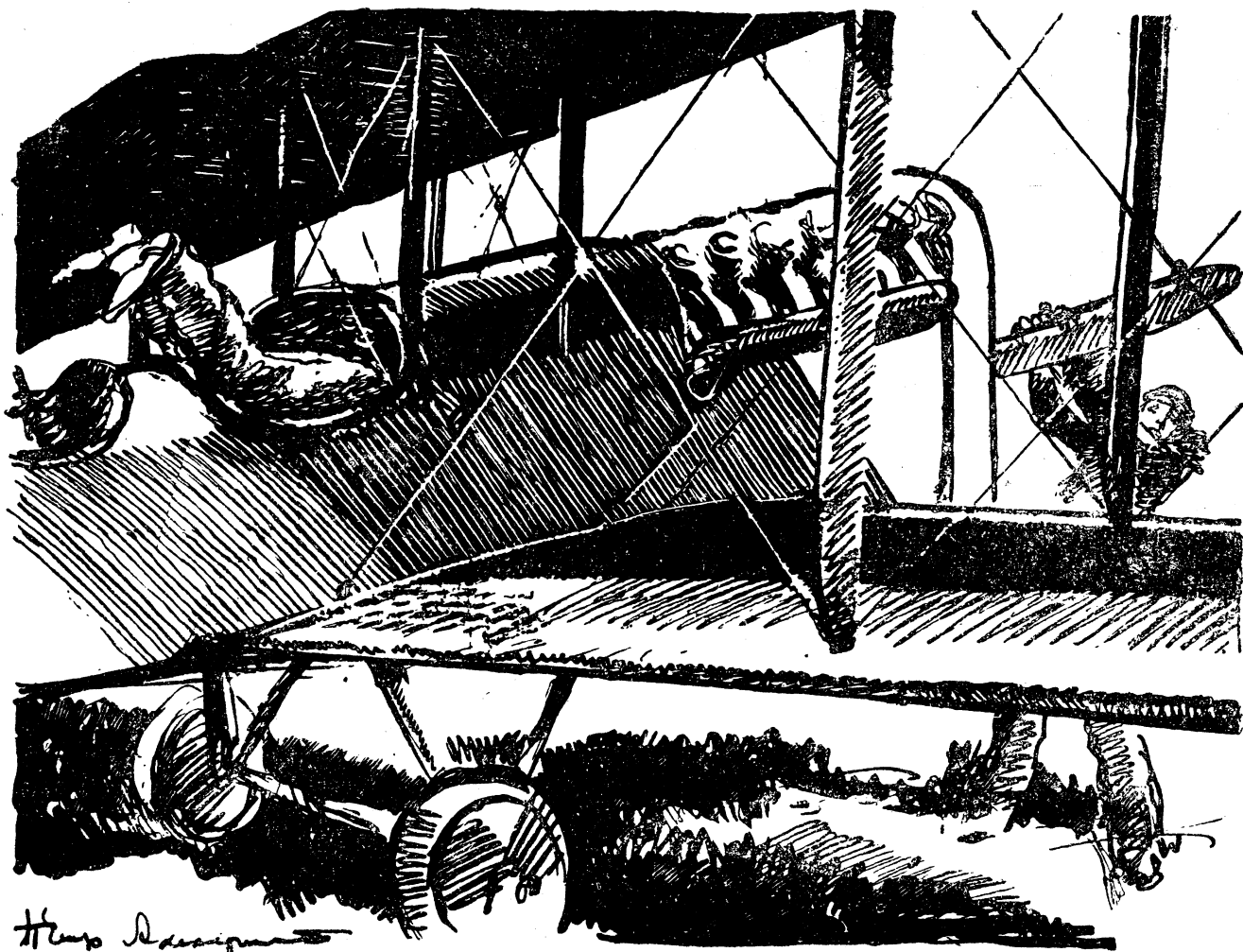
Но как бы то ни было, а данные на приведение в порядок машины четырнадцать дней один за другим улетали, едва замечаемые, с раннего утра и до позднего вечера наполненные хлопотами около разрегулированной, разошедшейся машины.

Ни малейшего доверия не внушало Домбровскому путанное нагромождение бесчисленных деревянных стоек и реек. Каждая из них казалась ему подозрительной, таящей под лаком и краской предательские трещины или гниль.

Полотняное покрытие крыльев успело за год ослабнуть, и если бы не категорическое приказание командира отряда покрыть их заново эмалитом так, как есть, без перетяжки, Домбровский ни за что бы не поверил в доброкачественность покрытия. Но почему-то командир, обычно чрезвычайно требовательный ко всяким мелочам в аппаратах и до щепетильности

осторожный, на этот раз необычайно торопил с окончанием ремонта и не обращал внимания на доклады Домбровского даже о довольно существенных недочетах в самолете. Единственное, на что ему пришлось согласиться с явным неудовольствием, это смена мотора, так как привести в порядок стоявший год без всякого присмотра мотор не представлялось никакой возможности. При этом для Домбровского осталось загадкой брошенное командиром замечание, когда он дал разрешение на выдачу нового двигателя: «Зря хороший мотор губить».

В другое время Домбровский наверное бы не так скоро забыл странное замечание командира, но в повседневной суете около самолета неприятное впечатление быстро сгладилось, и некоторое чувство обиды — «Дать мне мотор — значит погубить?» — скоро забылось. Дружная ра-

бота механиков, внимательно относившихся ко всем указаниям Домбровского, искупала многие неприятности, с которыми связана была для него вся эта кутерьма. Постоянное общение с помогавшими ему солдатами, от которых в обычное время он поневоле должен был держаться вдалеке, было для Домбровского настоящим отдыхом. Бывая с ними наедине, вдали от офицеров отряда, Домбровский держался с механиками и помогавшими им солдатами как свой. И сегодня, придя спозаранку в ангар, где производилась уже последняя регулировка самолета, он, не отрывая людей от работы, приветливо бросил им:

— День добрый, ребята!

— А, никак Вацек? Что так, ни свет ни заря? Я бы на вашем месте спал да спал. Святой Иисус и все его дьяволы, машина не так плоха, завтра кончим на-чисто, можете лететь спокойно,— слышался ответ из глубины фюзеляжа — голос владельца торчащих вверх ног, младшего из двух прикомандированных к Домбровскому механиков.

Второй, уже пожилой капрал, сосредоточенно проверял установку зажигания на моторе, заставляя молодого солдата медленно поворачивать его за пропеллер. Не отрываясь от работы, он кинул подошедшему летчику:

— Мое почтение! Стась прав, дела не так плохи, как я думал сначала. Машина не ахти что, но лететь можете спокойно. А еще не известно, какая работа предстоит этому драбанту?

— Пока не знаю, — хмуро ответил Домбровский, внимательно осматривая со всех сторон машину.

Когда его взгляд дошел до крыльев, Домбровскому показалось, что сквозь блестящий слой свежего эмалита просвечивают на концах крыльев красные звезды — опознавательные знаки, с которыми самолет прилетел сюда.

— Войцех Сигизмундович, — повернулся он к старшему механику, — как вы, старый механик, могли позволить покрыть плоскости заново эмалитом, не смыв старый слой, ведь, вон, даже знаки просвечивают!

— При чем здесь я? Командир приказал не смывать старый слой; только на фюзеляже успели как следует сделать. Не велел и наших знаков делать — говорит, не стоит для нескольких полетов.

— Тут что-нибудь не так, я спрошу командира.

— Что спрашивать? Я-ж вам говорю — не велел. Что же вы думаете — я бы сам разве позволил такое проделать? А раз приказано — наше дело маленькое. Да вы не тревожьтесь. Полотно лежит отлично, мы проверяли и в двух местах заново прошили.

Поцелкав пальцем по натянутой, как барабан, лакированной поверхности полотна, Домбровский махнул рукой и пошел из ангара. Ему начинала сильно не нравиться непонятная небрежность, с которой производилась подготовка его машины к полетам, но не хотелось ввязываться в разговоры с начальством, и он решил подождать первых испытательных полетов, чтобы посмотреть, как самолет будет вести себя в воздухе.

3

Еще быстрее, чем дни ремонта, пролетела неделя, предоставленная Домбровскому на ознакомление с большевистским самолетом в воздухе и на тренировочные полеты. Машина ему нравилась. В воздухе она вела себя совершенно спокойно, хорошо слушалась рулей. Малейшие недочеты в работе мотора, уловленные опытным ухом старшего механика, летавшего с ним все время, были устранены. В субботу Домбровский доложил командиру, что вполне освоился с машиной и может приступить к работе.

— Отлично, — сказал молодой капитан — командир отряда, — через часок загляните ко мне в канцелярию, я сообщу вам суть задания, и можно будет начинать работу.

Ровно через час Домбровский сидел в крохотном кабинете командира при штабе отряда. В канцелярии уже никого не было, — как всегда в субботу, с окончанием занятий все поспешили в город. Беседа велась совершенно наедине.

— Прошу покорно садиться, — сказал командир. — Я сейчас изложу вам суть вашего задания. Оно не так сложно, но его результатам высшее командование придает огромное значение. Я особенно подчеркиваю — огромное значение. И мне кажется, что мы с вами можем гордиться тем, что выполнение столь ответственного задания выпало именно на нашу долю. Ни минуты не сомневаюсь в том, что летчик моего отряда целиком оправдывает оказанное ему доверие... — здесь капитан сделал небольшую паузу.

— Постараюсь, господин капитан.

— Ни минуты не сомневаюсь в вас, Домбровский. Так дело вот в чем: хотя мы, конечно, имеем более или менее точные данные о качествах машин, которыми вооружены наши любезные соседи, но решено на практике выяснить полетные и тактические данные машин, стоящих у них на вооружении. Для этого мы воспользуемся попавшей к нам машиной перебежчика и...

— Но, позволю себе заметить, господин капитан, насколько мне известно, эта машина вовсе не является типичной, ведь у них...

— А наше ли это с вами дело рассуждать? Мне приказано: пользуясь имеющейся налицо машиной, выявить все ее качества. И basta! Мы должны их выяснить, не вдаваясь в рассуждения о типичности или нетипичности.

В понедельник перед рассветом вы подниметесь с нашего аэродрома. Впрочем, давайте лучше сразу же обратимся к карте, — капитан достал из стола приготовленную для полета, склеенную лентой и размеченную карту и разложил ее перед Домбровским. Так вот, видите ли, вы поднимаетесь с нашего аэродрома, вот здесь, и летите на П. у самой границы. Тут вы сворачиваете круто на зюйд-ост и, пройдя вдоль границы до Т., берете курс на Д., где расположен аэродром нашей истребительной эскадрильи. Везде по пути вашего следования специальные посты наблюдателей будут засекать время вашего пролета, учитывая в то же время скорость и направление ветра. Это нам совершенно необходимо для выявления действительной скорости машины во

внеаэродромных условиях, при случайной метеорологической обстановке. На борту у вас будет полный запас горючего и балласт в виде учебных бомб в максимальном расчетном количестве, какое только машина способна поднимать при данном радиусе действия. Механик вам в полете не нужен. На случай вынужденной посадки помощь будет вам оказана постами наблюдателей, о которых я только что говорил. Свободная от механика подъемная сила используется для увеличения запаса горючего, так как мне бы хотелось, чтобы вы могли тем же путем, повернув над Д., прийти обратно на наш аэродром, не совершая посадок.

Дав Домбровскому время внимательно проследить по карте указанный маршрут, командир продолжал:

— Кстати мы используем первый полет и для того, чтобы дать вам возможность наиболее полно ознакомиться с маневренностью машины в условиях, так сказать, чистой практики. Вероятно, не доходя Д., навстречу вам будет выслан истребитель или два, с которыми вам придется провести примерный бой. Этот бой представляет для нас особенный интерес, так как вам придется его вести с большой нагрузкой горючего и с бомбами. При этом заметьте, что мне бы очень не хотелось, чтобы нападение истребителей заставило вас сбросить бомбы. Вы сами понимаете, насколько это интересно, хотя я и согласен с тем, что ставлю вам несколько необычные требования. Но я же знаю, с каким лихим летуном я имею дело, — любезно осклабил командир.

— Ну что же, капитан, я полагаю, что ничего страшного в этом задании нет. Позволю себе только заметить, что, вероятно, мне удалось бы выяснить несколько не хуже качества машины, и не совершая столь длинного перелета. Хотя я, поверьте, от него не уклоняюсь и совершу эту прогулку с большим удовольствием.

— С тем большим, что, вероятно, по возвращении из нее, если, конечно, она будет успешной, вас ожидают офицерские погony. Что же касается необычайности условий этого испытания, то такова воля

высшего командования, с которой нам не приходится спорить.

— Да, пожалуй, не приходится. А что касается офицерских погонов, то поверьте, что они для меня не представляются уж так необходимыми, чтобы отбыть свой срок обязательной службы.

— Ну, это вам так сейчас кажется. Другое скажете, когда будете постарше, — с достоинством произнес капитан, разглаживая плохо растущие, по молодости, усы.

— Да, скажите кстати, вы застрахованы?

— Никак нет, капитан.

— Как же так? Очень рекомендую вам по возвращении из полета сделать это. Наша служба, ведь, такова, что трудно сказать, в каком виде вернешься к себе домой, да и вернешься ли вообще. Это совершенно необходимо сделать в пользу вашей матушки.

— Ну, моей матушке теперь уж не очень нужен мой страховой полис. Выражаясь стилем господ священнослужителей, в случае чего мы с ней только встретимся на том свете.

— А ну так, так это другое дело. Знаете, для нашего брата это даже лучше — знать, что ты никого не имеешь за спиной. Семья связывает дух летчика... Ну-с, итак, до понедельника. Очень вас прошу вылететь с самым рассветом.

— Есть, капитан. Разрешите итти?

— Да. Желаю всего наилучшего. Утром приеду сам на аэродром вас проводить.

— Всего лучшего, — сказал Домбровский и, щелкнув каблуками, как полагалось, двинулся к выходу.

Точно спохватившись, командир его окликнул:

— Ах, да, прошу извинить меня. Я совершенно забыл. Мы только вчера получили из Варшавы полетное платье нового образца, говорят, оно замечательно удобно. Я бы очень хотел, чтобы вы кстати уж попробовали его послезавтра и сказали ваше мнение — каково оно для длительных полетов. Вот, я распорядился даже приготовить вам один комплект. Прошу вас, вот там. Не откажите взять с собой и обязательно им воспользоваться в понедельничном полете.

Капитан указал в угол, где на стуле было приготовлено большое кожаное пальто на коротком мягком меху.

«Скажи на милость, какая необычайная предупредительность. Чего они со мной последние дни так носятся?» подумал Домбровский, забирая в охапку мягкую грудку приятно пахнущей коричневой лайки.

4

Ровно и спокойно, как хороший хронометр, рокошет мотор. Четыреста лошадиных сил, заключенных в двенадцать черных цилиндров, так спокойно вертят пропеллер, точно это ручка простой швейной машинки и будто на этом пропеллере не висит большая машина, весом в две с лишним тысячи килограммов.

В серой мгле рассвета Домбровский больше угадывает, чем видит, ровное дрожание стрелок приборов; как таинственные глаза какого-то большого живого существа, глядят они на него с передней доски своими светящимися циферблатами. Машина спокойно режет воздух, и его однообразный шум в ушах навеивает почти сонливую, спокойную уверенность в себе и в самолете.

Уже почти два часа; как Домбровский следит за стрелками приборов. Уже полтора часа, как он миновал сонную П. Уже полчаса, как он окончил свое движение вдоль границы и свернул в сторону Д. Уже полчаса, как у самой этой границы, под Тарнаховичами, из домика пограничной стражи выскочили на шум машины солдаты и, вероятно, спросонок пустили ему вслед несколько блесков винтовочных выстрелов.

Наверно, минут через сорок должны бы уже появиться и П. с аэродромом истребительной группы. «Тут где-нибудь меня должен встретить истребитель и протанцевать со мной воздушную мазурку. Только, вот, еще не совсем рассветло, и танцевать мазурку в воздухе рядом с истребителем, делающим по двести сорок километров в час, не так приятно, когда его не совсем отчетливо видно. Немного не рассчитал время вы-

лета командир, торопивший в полет», думалось Домбровскому.

До сих пор Домбровскому не приходилось уходить в такие продолжительные полеты одному, даже без механика. Чувство некоторого одиночества не покидало его. Он думал; какая-то совершенно необычайная для него в полете тоска крепко держала за сердце. Мысли невольно сворачивали в сторону от стоявшей перед ним самой обыкновенной для военного летчика задачи и искали в этом полете какой-то скрытый смысл. В такие минуты он встряхивал головой, отгоняя неудобные мысли, и старался сосредоточить все внимание на управлении машиной. Как на зло, это управление не требовало сегодня большого внимания, так как машина шла удивительно спокойно и уверенно. Ровный ветер в лоб не выводил ее из равновесия и почти не заставлял пилота работать рукояткой.

Время от времени Домбровский пытался разыскать там далеко внизу какие-нибудь намеки на те посты наблюдателей, что должны отмечать его движение по назначенному маршруту, но все попутные деревни спали крепким сном, и в них не заметно было никакого движения.

Вон, далеко впереди, на горизонте вспыхнул блеклый, голубоватый луч прожектора. Он бессильно уставился вверх, но растаял в свете пробуждающегося дня и почти сразу угас.

«Вероятно Д., — подумал Домбровский. — Но на кой ляд им прожекторы, когда день на дворе? Или они меня ждали много раньше? Вероятно, оттого и истребители меня не встречают. Наверно, вылетали и вернулись уже к себе».

Домбровский внимательно осмотрел весь горизонт перед собой. Взгляд его задержался на крохотной черной точке. «Он, — мелькнуло у Домбровского, — ну, Вацек, подтянись. Надо не ударить в грязь лицом перед этими воздушными танцорами».

А точка на горизонте быстро росла. Превратилась в черточку. В силуэт са-

молета. И, прежде чем Домбровский сумел оценить расстояние, у него над головой черной воющей массой пронесся маленький биплан.

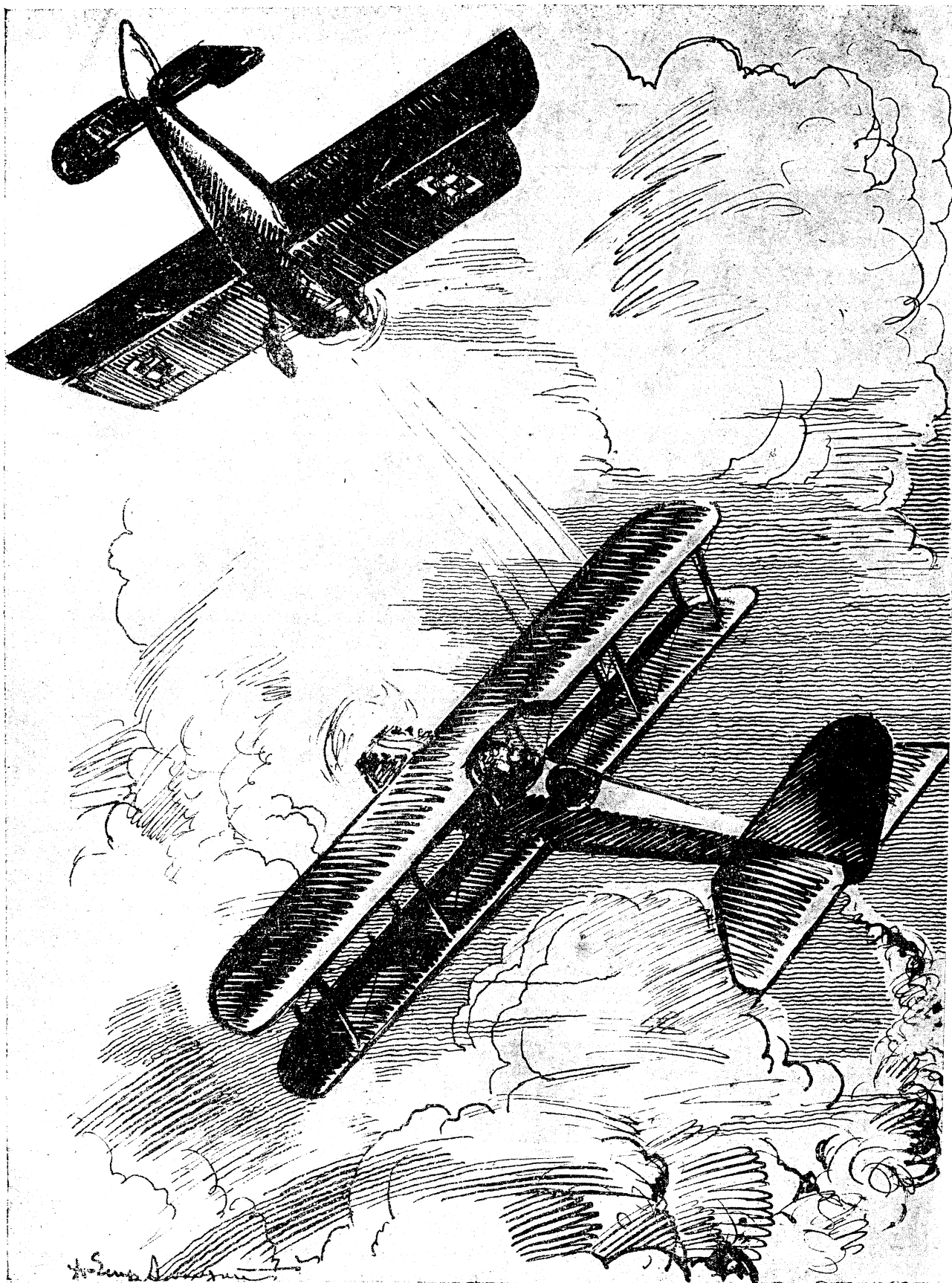
«Спад»... хороши машины...» приятный холодок пробежал по спине Домбровского, совсем, как бывало в школе во время примерных боев с инструктором. Но некогда было заниматься воспоминаниями, так как «Спад», крутой свечой набрав высоту, пикировал ему на голову.

Домбровский потянул сектора. Счетчик оборотов показывал предельные 1850 оборотов, но Домбровский видел, что перегруженную машину нельзя вести на фигуры, не сбросив висевшего у нее под крыльями груза бомб. Взвешивая, стоит ли таскаться с бомбами или можно их бросить, чтобы провести намеченный бой с истребителем, Домбровский не особенно заботился о маневрах «Спада», так как времени впереди для «мирного боя» было еще достаточно. Мысли его были прерваны неожиданным резким блеском перед глазами и странными щелчками по борту машины: точно кто-то пальцем постучал по натянутому полотну.

Поглядев на мотор, он ничего не заметил подозрительного. Он высунул голову за борт, чтобы взглянуть на то место, где ему слышались щелчки. Прямо на него снизу горкой лез «Спад».

«Ишь ты, неугомонный», подумал Вацек, но мысль его была прервана снова блеснувшим в глаза огнем с носа истребителя.

«Мать!.. Он рехнулся! Садит из пулемета», пронеслось в голове Домбровского. И как бы в подтверждение этого нелепого предположения снова застучало дробью по брюху самолета. В тот же момент правая нога Домбровского вместе с педалью резко подалась вперед. Мысли вихрем закружились в голове летчика: «Ерунда... не может быть... тросс, вероятно, лопнул... нет, нет, троссы были новые... да что-ж это такое... ерунда... недоразумение».

— Он рехнулся! Садит из пулемета...

Рука сама потянулась к сектору и сбавила газ: «По инструкции, садиться прямо перед собой, руль глубины действует, а этого идиота под арест запянут... так недолго...»

Разлетевшиеся вдребезги перед самым носом Домбровского стекла нескольких приборов яснее слов сказали о посылавшейся сверху новой пулеметной очереди. Над ним был явно сумасшедший. Времени не оставалось. Домбровский дал рукоятку от себя, насколько мог, и троссы завывли в стремительном падении машины. Но прежде, чем Домбровский успел убавить газ, впереди у самого носа машины раздался пронзительный треск, и машина стала нелепо дергаться от бешено крутящегося обломка пропеллера. Порячий удар в голову заставил Домбровского закрыть на момент глаза. Когда он их с усилием открыл, то сквозь багровый туман заливавшей их крови он увидел прямо перед собой вертящуюся в правильно ускоряющемся движении землю. «Штопор», через силу подумал Домбровский. Нога машинально подалась вперед, следуя заученной комбинации движений рукоятки и педалей. Но педали не было, она бессильно болталась на оборванном пулей тросе. Превозмогая заливавший его голову обморок, Домбровский растегнул пояс и потянулся руками к бортам кабинки. Воющий на тысячу голосов ветер с необычайной силой прижал его к сиденью. Последним усилием воли Домбровский напряг мускулы...

5

Телеграфная комната секретного отдела генерального штаба была ярко освещена несмотря на поздний час. Размерно стучали клавиши Бодо, выбрасывая в бесконечную сеть проводов слово за словом срочный приказ:

«Особо срочно. Совершенно секретно. Начальнику погранучастка П... Т... Нашим сведениям, ночь на понедельник перелетит границу чужой самолет. Неусыпно наблюдайте. Фиксируйте время пролета машины над вашим участком.

Сообщите мне. Примите меры тому, чтобы факт перелета был установлен и гражданскими властями погранрайона. Факте перелета немедленно уведомьте командира истребительной авиогруппы. Начальник N-го отдела бригадный генерал Шкловски. Адъютант ротмистр Любомирски. Номер 4257. Шифр НРБ».

Поставив точку, Бодо замолк. Телеграфист отложил в сторону листок с переданным уже текстом и положил перед собой другой. Клавиши снова застучали, выбивая на ленте новые слова:

«Особо срочно. Совершенно секретно. Командиру N-й истребительной авиогруппы. Нашим сведениям, ночь на понедельник разведчик соседней страны перелетит границу вашем районе. Вести наблюдение. Снять при появлении. Действовать во всем полном соответствии ранее данной инструкции. Результатах немедленно уведомить меня. Начальник N-го отдела бригадный генерал Шкловски. Начальник отдела воздухообороны полковник Зборовски. Адъютант ротмистр Любомирски. Номер 4258. Шифр НРБ».

Бодо снова замолк. Телеграфист отрезал сбегавшую со стола длинной белой змейкой ленту с текстом передачи и вместе с листками передал ее сидевшему у стола офицеру. Тот бережно сложил все в конверт. Поставил на нем сургучную печать. Через минуту пакет лежал в большом негориющем шкафу, а офицер, удобно растянувшись на кожаном диване, принялся за чтение истрепанного номера газеты.

6

По ровному асфальту столицы сплошной, неразрывной вереницей тянулись автомобили, на все ноты гаммы предостерегавшие суетливо перебежавших улицу прохожих.

Залитый ярким светом магазинных витрин, асфальт тротуаров кишел суетливой толпой. Наперебой разноголосому хору автомобильных гудков неслись звонкие голоса газетчиков.

— Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! Иностранные самолеты над нашей территорией! Исключительные события на границе!

Листки экстренного выпуска расхватывались прохожими. Последний листок из рук ошалелого от собственного крика и суеты мальчишки взял пожилой мужчина в форме авиационного механика. Он торопливо развернул листок, и перед его глазами запестрели заголовки.

Перепополняется чаша нашего терпения

Маршал о налете

Мы не можем больше выжидать

НАШ МЕЧ ДОЛЖЕН РУБИТЬ СЕТЬ ПАУТИН, ПОКА ОНА НАС НЕ ЗАДУШИЛА

Официальное сообщение военного министерства

«Сегодня на рассвете пограничной охраной был замечен самолет без опознавательных знаков, перелетевший нашу границу между П. и Т-ми. По всему пути следования самолета до местечка Д-и, где расположена наша истребительная авиация, самолету подавались нашей охраной сигналы, требовавшие немедленной посадки.

Действуя согласно инструкциям, истребительной группой был выслан навстречу неизвестной машине самолет-истребитель, который выстрелами в воздух потребовал посадки неизвестного. Но тот, не обращая внимания на предупреждения, продолжал полет.

Одной из пулеметных очередей, произведенных в воздух, неизвестный самолет, вследствие собственной неосторожности, был поврежден. При посадке самолет разбился, летчик убит.

Произведенный на месте осмотр самолета обнаружил под свежей наружной лакировкой крыльев пятиконечные красные звезды.

При освидетельствовании труп летчика следственными властями обнаружены зашитые в подкладке его кожаного пальто документы на имя военного летчика советской службы и предписание секретного отдела советского генерального штаба...

К участию в следствии по этому делу привлечено министерство иностранных дел».

Пожилый мужчина в форме авиационного механика не мог дальше читать. Буквы смешались и запрыгали перед глазами. Рука, державшая листок экстренного сообщения, бессильно опустилась.

— Да, да, это звезды, которые я сам закрашивал... неужели Вацек!?. Так вот для чего я должен был так торопиться... Бедный Вацек... но, ведь, есть же где-нибудь и на них управа...

Как сомнамбула, глядя перед собой невидящими глазами, механик шел, натываясь на прохожих. Нарядные дамы и мужчины с опаской шарахались в сторону от шатающегося солдата. Какой-то высокий худой полковник с желтыми авиационными петлицами, такими же, какие были на воротнике шатающегося солдата, изумленно остановился при виде непривычной картины.

— Эй, капрал!

Капрал поднял на него невидящий взгляд. Сознание промелькнуло в глазах за двумя крупными слезами. Капрал нетвердым шагом приблизился к полковнику и протянул к его лицу листок:

— Это Вацек... Вацек Домбровский, я знаю... да, да, я знаю... номер не пройдет...

Примечания

1. Текст рассказа Н. Н. Шпанова «Номер не пройдет» с рис. П. Алякринского приводится по изданию: журнал «Борьба миров», 1930, № 4, стр. 28-39.
2. Также рассказ выходил под названием «Номер, который не пройдет» – стр. 91-113 в авторском сборнике Н. Н. Шпанова «Загадка Арктики: Рассказы» / Обложка Л. Штейнера. – М.-Л.: Земля и Фабрика, 1930. – 176 с. 1 р. 10 к. 5 000 зкз.
3. Сюжет рассказа в значительной мере совпадает с сюжетом рассказа Н. Н. Шпанова «Таинственный взрыв. Фантастический авио-рассказ», который был напечатан в 1925 году в журнале «Всемирный следопыт» (№8, стр. 3-16).
4. В дальнейшем, при жизни автора рассказ не переиздавался. Однако, можно отметить, что сюжетный ход, в котором специально подготовленный самолёт совершает попытку полёта на территорию СССР, был использован в последнем романе Н. Н. Шпанова «Ураган» (1961) и в сценарии художественного фильма «Генерал и маргаритки» (фильм снят в 1963 г., вышел на экраны в 1964 г.).
5. Следует отметить тот факт, что иллюстрации к рассказу выполнены художником Петром Александровичем Алякринским (1892—1961). В дальнейшем сотрудничество Н. Н. Шпанова и П.А. Алякринского продолжилось. В 1943-44 г.г. вышел роман Ник. Шпанова «Тайна профессора Бураго» (Вып. 1-6), иллюстрации к которому выполнены П. А. Алякринским. Подробнее об этом художнике см. мои Примечания к вып. 6 «Тайны профессора Бураго».

Сканирование, подготовка текста и составление примечаний — Максим Безгодов
Санкт-Петербург, 21 мая 2014 г.